

Ханжи В.Б.

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и биоэтики
Одесского национального медицинского университета

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИДЕИ АНТРОПНОГО ВРЕМЕНИ. АНТРОПНОЕ ВРЕМЯ КАК СИСТЕМА

Аннотация. В статье выявлены историко-философские предпосылки идеи антропного времени. Осуществлено представление антропного времени как системы. Автором показаны перспективы рассмотрения антропного времени как сложной самоорганизующейся системы.

Ключевые слова: историко-философские предпосылки, антропное время, система, сложная самоорганизующаяся система, антропологическая парадигма времени.

Введение. Тема времени — одна из тех тем, которые тысячелетиями не теряют своей привлекательности. Каждое новое поколение исследователей с неисчерпаемым энтузиазмом окунается в философские, естественно- и гуманитарно-научные проблемы, требующие преодоления сложностей понимания как существования *во времени*, так и сущности *самого времени*.

Осмысление проблемы времени достаточно широко представлено в естественнонаучных — физическом, космологическом, геологическом, биологическом, химическом — аспектах (следует выделить вышедшие в последние десятилетия работы Л.А. Ашкинази, Л.Б. Баженова, Д. Гросса, А.И. Гулидова и Ю.И. Наберухина, Э. Гунцига, И.С. Добронравовой, В.В. Казютинского, С.Н. Ковалева и А.В. Гижы, С.С. Лазарева, А.П. Левича, Ю.Б. Молчанова, Р. Нудельмана, Л.С. Шихобалова). На естественнонаучных представлениях о времени нередко зиждутся также варианты фундаментального философско-методологического взгляда на интересующий нас объект (отметим работы В.И. Аршинова, И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина, С.П. Капицы в соавторстве с С.П. Курдюмовым и Г.Г. Малинецким, Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова, Г. Николиса и И.Р. Пригожина, Р. Пенроуза, И.Р. Пригожина и И. Стенгерс, В.С. Стёпина, А.И. Уёмова и Л.Н. Терентьевой, С. Хокинга, А.Ю. Цофнаса).

Фокусировка внимания на общих чертах складывающейся веками традиции осмысления времени преподносит достаточно яркую картину ее онтологического естества. Значительный период

истории философии, пожалуй, вплоть до XX века, время преимущественно было понимаемо как атрибут мироздания вообще и конкретных природных объектов в частности. Такая линия рассмотрения времени была обозначена нами понятием «онтологическая традиция артикуляции времени» [1]. Однако подобное игнорирование роли человека (или жестче — ее элиминация) в преобразовании мира, в т.ч. в аспекте формирования темпоральных условий бытия, привело в итоге к проблеме невозможности полноценного выражения сути собственно человеческой деятельности и исторического процесса в его антропном разрезе. Осознание этой проблематичности нашло свое опредмечивание в проводимой нами в последние несколько лет исследовательской работе, пролонгирующей и углубляющей линию *антропологической парадигмы времени*. Полагаем, что подобная исследовательская программа способна развиваться и функционировать параллельно первой [1]. В рамках антропологической парадигмы времени, т.е. образцовой модели, подающей время и темпоральные отношения как образуемые в результате человеческой активности, предложено множество проекций времени, альтернативных показанным выше. Авторами осуществлено осмысление времени в историческом, социальном, психологическом, художественном, лингвистическом ключе (отметим работы таких авторов, как М. Блюменкранц, В.Г. Буданов, Э. Валлерштейн (И. Валлерстайн), И.С. Добронравова, И.В. Ершова-Бабенко, М.С. Каган, В.И. Каширин и О.В. Каширина, С.В. Курбатов, И.Г. Мысык, И. Савельева и А. Полетаев, М. Старчеус, Б.И. Цуканов, В.Т. Ярошенко). Наш вклад в становление антропологической парадигмы времени — концепция антропного времени и исторического процесса как разворачивания человеческой деятельности. **Целью** данной статьи является выявление историко-философских предпосылок идеи антропного времени, а также представление антропного времени как системы.

Первичные искания в рамках осмысления того или иного вопроса практически всегда

побуждают исследователя обращаться к признанным авторитетам с тем, чтобы, «заручившись их поддержкой», развивать свои взгляды. Однако оказалось, что не все так просто. «Кантовский переворот» в метафизике дал, с одной стороны, широчайшую подпитку нашим размышлениям, ибо выразился, помимо остального, и в принципиальном «очеловечивании» времени (как и пространства). Однако, с другой стороны, он не мог быть принят безоговорочно по причине субъективизации этих сущностей. Так, в рамках «метафизического» истолкования понятия времени (т.е. содержащего то, что позволяет артикулируемому понятию предстать в качестве данного *a priori*) Кант утверждает, что «время есть необходимое представление, лежащее в основе всех созерцаний» [2, с. 71]. Иными словами, время (как и пространство) выступает в качестве своеобразного условия восприятия объектов действительности в той их данности, которая явлена субъекту. Мы же говорим о времени, «изливающимся из человека вовне», посредством чего оформляется и насыщается содержанием историческое движение *homo sapiens*. Тезис Г.В.Ф. Гегеля о «прогнесе в сознании свободы» как цели истории [3, с. 72], подающий свободу в качестве притягивающего начала исторического процесса, не удовлетворял общей контекстностью. Поскольку стремление к свободе есть перспектива, «прививаемая» человечеству шествием Абсолютного Духа, то подобное провиденциалистское толкование оставляло место для самореализации человека — парадоксально, но выходит, что так! — лишь в predeterminedном русле.

Достаточно резонансно в философии кон. XIX — нач. XX вв. прозвучала категория длительности А. Бергсона (иногда французское понятие «*durée*» переводят как «дление»). «Чистая длительность, — находим у философа, — есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше «я» просто живет, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали» [4, с. 93]. Бергсоновское толкование времени (предстающего как время сознания) в корне противопоставлено физико-математическому его рассмотрению, что и послужило причиной расхождения путей великого «лирика» и гениального физика А. Эйнштейна, бескомпромиссно отвергшего «время философов». Насыщенное жизнью *durée*, так неудовлетворявшее Эйнштейна, нашло свой отголосок в нашем понимании антропного времени, привлекая своей содержательностью. Кажущаяся близость учений Канта и Бергсона разбивается о принципиальное их отличие, на которое обратила внимание исследователь

И.И. Блауберг: «...Если для Канта время было априорной формой внутреннего созерцания, то у Бергсона, в концепции, изложенной в «Опыте о непосредственных данных сознания», — это уже само содержание внутреннего чувства, созерцания «я»; не априорная форма, но непосредственный факт сознания, постигаемый внутренним опытом» [5, с. 16]. Однако и кантовская, и бергсоновская субъективизация времени (и даже его психологизация у французского философа), повторим, стала препятствием для адаптации взглядов мыслителей к нашей концепции.

Модель нарративной истории, в которой ключевым тезисом является мысль об интерпретационной сущности исторического процесса, возможности плюрализма в прочтении событийного ряда, предложена Ж. Делёзом. В ее рамках выдвинута оригинальная идея двойного толкования времени. Это, с одной стороны, Хронос, составленный исключительно из «сплетающихся настоящих», — время, которое выступает содержанием изменения единичных с ним объектов, а с другой стороны, Эон — чистая форма, постоянно разлагающаяся на «растянутые прошлые и будущие» фазы [6, с. 92]. Понимание антропного времени, предлагаемое в данной работе, отлично от делёзовского по двум позициям. Во-первых, нарративность истории предполагает некоторую отстраненность интерпретатора событий от самой событийности, тогда как наше понимание истории как разворачивания человеческой деятельности естественным образом требует *включения* человека в поток событий. *Событие* в таком контексте оказывается не просто результатом совместного бытия наблюдателя и наблюдаемого, а эффектом, получаемым от преломления мира через «вовлеченного в мир» человека. Иными словами, история есть *не повествование*, а *переживание с конституированием*. Во-вторых, предлагаемое нами толкование антропного времени по-своему единяет Хронос-содержание и Эон-форму Делёза, «оживляя» чистую форму бурной и динамичной событийностью.

Пожалуй, наиболее близкими по духу оказались учения М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра, рассматриваемые нами как одно из наиболее значимых историко-философских оснований антропологической парадигмы времени. Так, немецкий философ подчеркивает, что *Dasein*, обладая способностями ожидать, удерживать и соотноситься с присутствующим, связывает временные фазы в единый континуум времени [7, с. 343]. Иными словами, время, феноменально раскрываясь как последовательность «теперь», сущностную связность обретает через «очеловечивание». В свою очередь, французский экзистенциалист, развивая хайдеггеровские идеи, указывает, что благодаря

человеческому сознанию («бытию-для-себя»), выступающему как своеобразное «разжатие» сплошного и непроницаемого бытия («бытия-в-себе»), закладываются основы конституирования времени. Человек, связывая через понятие «мое» фазы прошлого, настоящего и будущего, придает времени характер непрерывности [8].

Представляя антропное время как систему, мы опирались на работы авторов и разработчиков различных вариантов системного подхода и теории систем: И.В. Блауберга, Ю.А. Левады, Г.А. Поликарпова, Л.Н. Терентьевой, А.И. Уёмова, А.Ю. Цофнаса, Э.Г. Юдина. Непосредственно в качестве сложной самоорганизующейся системы (о чем подробно было сказано в [9]) антропное время было осмыслено благодаря влиянию работ представителей синергетического направления: В.И. Аршинова, Р.Г. Баранцева, Л.Д. Бевзенко, В.Г. Буданова, М.С. Дмитриевой, И.С. Добро-нравовой, И.В. Ершовой-Бабенко, М.С. Кагана, В.В. Кизимы, Л.П. Киященко, Е.Н. Князевой, Н.В. Кочубей, С.П. Курдюмова, Г.Г. Малинецкого, И.Р. Пригожина, В.С. Стёпина, Г. Хакена и др.

Возможность приложения категорий системы и структуры ко времени (как и пространству) была аргументирована в научной литературе еще в 70-х гг. прошлого века. Такая мысль изложена, например, Г.А. Поликарповым в коллективной монографии [10]. Исследователь пишет, что в соответствии с теорией относительности достаточно обоснованным оказывается принятие определения времени и пространства как отношения. В таком случае системой становится гораздо более весомая конструкция — сочетание материи, пространства и времени. Последующая трансформация логических статусов дает возможность рассмотрения, например, материи в качестве отношения или свойства, а пространства и времени — как вещи [10, с. 143]. Далее, обнаружение в этой вещи либо отношений, отвечающих заданному свойству, либо свойств, удовлетворяющих заданному отношению [11; 12], послужит основанием ее понимания как системы. Здесь следует сделать, по меньшей мере, два замечания. Во-первых, Поликарпов рассматривает пространство и время в физическом смысле, что в любом варианте логического статуса этих понятий требует их сочленения с понятием материи. В нашем понимании времени — времени в его антропологическом статусе — это не является необходимым условием. Во-вторых, исходя из эйнштейновского постулата о единстве пространства и времени в четырехмерном континууме, автор рассматривает как систему сам единый континуум. Положенный в нашей работе в основание системы антропного времени концепт (о котором — ниже) обуславливает возможность осмысления

временной системы человека независимо от пространственных условий его бытия.

Антропное время нами определено как система, выражающая человеческую деятельность в параметрах длительности, порядка (аспект формы) и смысловой нагрузки (аспект содержания). Первые параметры отображают физическую сторону антропного времени, родня его с временем иных объектов мироздания. Содержательное же его насыщение, имеющее экзистенциально-деятельностный характер, как раз и презентует человеческие темпоральные условия как нечто уникальное на фоне остальной природы. Кроме того, в антропном времени выражается и некая синтетическая характеристика деятельности — интенсивность, т.е. степень смысловой насыщенности единицы длительности. Необходимо отметить, что рассмотрение антропного времени в показанных проекциях задает определенную перспективу в плане придания ему также исторического статуса, что зиждется на понимании истории как разворачивающейся человеческой деятельности. И.В. Блауберг и Э.Г. Юдин в этом духе замечают, что «... время может оказаться тем весьма существенным параметром, который позволит рассмотреть с единой точки зрения структуру объекта и его историю (эволюцию)...» [13, с. 133-134]. Эта мысль принимается нами с одной важной оговоркой. Предложенный в данной работе контекст понимания антропного времени требует его осмысления не просто в качестве *параметра* становящегося объекта (здесь — истории как разворачивающейся человеческой деятельности), а самодостаточно — как самоорганизующейся *системы*. Таким образом, осуществление исторического процесса, взятого, по крайней мере, в его «человеческой» составляющей, будет артикулировано как зиждущееся на самоорганизации антропного времени. В то же время, когда в дальнейших публикациях речь пойдет об «итоговом продукте» истории, нами особенно будет подчеркнута синтезированность саморазвития антропной временной действительности с воздействием внешних детерминант (аттракторов) истории.

Итак, каким образом возможно представление антропного времени как системы? Для начала необходимо выявить, что вкладывается современными авторами системного подхода и общей теории систем в это понятие. Будучи рассмотренной в трех различных аспектах, система определяется через три соответствующих дескриптора: концепт, структуру, субстрат [11, с. 126-130; 14, с. 130-133]. Отечественный исследователь А.И. Уёмов определяет концепт системы как «...некий смысл, в котором рассматривается система...» [14, с. 130], определенная проекция ее понимания.

Эта единяющая компонента, выступающая в виде системообразующего свойства или отношения, иерархически первенствует над структурой и над субстратом. Именно от того, каков концепт, зависит будущая «подгонка» необходимых, соответствующих реализации смысла элементов (подсистем), а также либо выстраивание соответственно выбранному *концепту-свойству* системных *отношений*, либо формирование адекватных *концепту-отношению* системных *свойств*. Таким образом, два варианта (принцип двойственности системных моделей) определения систем: 1) с атрибутивным концептом и реляционной структурой (объекты, обладающие отношением с заранее определенным свойством) и 2) с реляционным концептом и атрибутивной структурой (объекты, обладающие свойствами, находящимися в заранее определенном отношении) [14, с. 134] — в равной степени выражают системную действительность (принцип дополненности системных моделей). Наконец, третий дескриптор системы — субстрат или элементы системы. Определяя систему в этом аспекте, исследователь выясняет не только *что* использовано в качестве «строительного материала» на микроуровне системы, но и, что гораздо важнее, *как* определено смысловое начало.

Украинский ученый А.Ю. Цофнас, опираясь на работу А.И. Уёмова [11, с. 120-121], поясняет упомянутые выше определения системы (первое — атрибутивное, второе — реляционное). Он пишет, что эти дефиниции задают соответствующий порядок представления «произвольной вещи» как системы. По первому определению, изначально должно стать явным определенное свойство, задающее смысл рассмотрению объекта в разрезе системного подхода. Далее фиксированность свойства определяет выбор в пользу тех или иных удовлетворяющих этому свойству отношений. В итоге упомянутая «произвольная вещь» являет себя как объект реализации выбранных отношений. Наоборот, движение, осуществляемое от концепта, коим, в данном случае, выступает определенное отношение, к изысканию отвечающих этому отношению свойств — это путь конституирования системы по второму ее определению [12, с. 54]. Предложенный контекст, по сути, делает бессмысленным категоричное подразделение объектов мира на системы и не-системы. Понимание объекта как системы и в первом, и во втором смысле зависит лишь от того, что положено в основание рассмотрения, т.е. сквозь призму чего производится исследование. «Данная концепция системологии, — отмечает современный исследователь, — принимает членение действительности на системы и не-системы лишь по интенциональному

принципу... Все, что изначально воспринимается как нечто бессистемное, немедленно становится системой, когда обнаружены отношения, удовлетворяющие определенному свойству, или свойства, находящиеся в определенном отношении» [12, с.54].

Принимая во внимание указанные положения, и адаптируя их к рассмотрению антропного времени, поясним, что в этой системе выступает как концепт, структура и субстрат.

Концептом системы *антропного времени* нами избран экзистенциально-деятельностный смысл ее формирования и самоорганизации. Это означает следующее: 1) становление каждой подсистемы антропного времени фундировано личностной уникальностью ее носителя, реализуемой в деятельности; 2) опредмечивание этой уникальности связано, **в первую очередь, со свободой** воли субъекта антропного времени. Говоря о *структуре антропного времени*, мы имеем в виду отношения, выстраивающиеся между единицами антропного времени одного уровня, а также межуровневые отношения, которые отвечают экзистенциально-деятельностному системообразующему свойству. В свою очередь, *субстратом антропного времени* выступают сами упомянутые единицы антропного времени, сочленяющиеся по принципу «матрешки» в глобальной темпоральной системе. Ее сложная иерархическая структура связывает «временные матрешки» от мини-систем, формируемых деятельностным раскрытием экзистенции личности, до макро-систем масштабно-социальных образований, сопровождающих оные в их самоорганизации. Показанное атрибутивное определение системы антропного времени можно при необходимости трансформировать в реляционное определение.

Как уже было сказано выше, антропное время рассматривается нами именно как сложная самоорганизующаяся система. Сложность и самоорганизованность человеческой темпоральной системы конкретизируется в следующих ее особенностях: 1) многоуровневость и коэволюционная сочлененность единиц («временных матрешек»); 2) нелинейность; 3) открытость; 4) наличие обратных связей в отношениях между единицами (подсистемами) — как в отрицательной, так и положительной формах; 5) стохастичность (позволяющая прогнозирование течения антропного времени лишь с определенной долей вероятности); 6) неоднозначность временных фаз — прошлого, настоящего и будущего. Рассмотрение обозначенных особенностей антропного времени в контексте разработки антропологической парадигмы времени будет осуществлено в дальнейших публикациях.

Выводы:

1. Среди историко-философских предпосылок идеи антропного времени прежде всего необходимо выделить: 1) кантовскую антропологизацию времени, в рамках которой человек рассмотрен не как объект, а как субъект оного; 2) учения М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра, указывавших на то, что темпоральная ознаменованность мира возникает посредством именно человеческого «вовлечения» в него.

2. Параметрическая общая теория систем открывает возможность представления антропного времени как системы через выявление его концепта, структуры и субстрата. Такой подход подготавливает следующий этап исследования антропного времени — его рассмотрение в качестве сложной самоорганизующейся системы.

Литература:

1. Ханжи В.Б. Онтологическая и антропологическая парадигмы времени / В.Б. Ханжи // Философские проблемы биологии и медицины: Выпуск 5: Нормативное и дескриптивное : сборник статей ежегодной научно-практической конференции (октябрь 2011 г., г. Москва). — М. : Принтберри, 2011. — С. 151—153.
2. Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант ; пер. с нем. Н. Лосского сверен и отред. Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным ; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. — М. : Эксмо, 2011. — 736 с. — (Антология мысли).
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель ; пер. с нем. А.М. Водена. — СПб. : Наука, 1993, 2000. — 480 с.
4. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания / Анри Бергсон ; пер. с франц. // Собрание сочинений: В 4-х т. — Т. 1. — М. : Московский клуб, 1992. — С. 50—155.
5. Блауберг И.И. Анри Бергсон и философия длительности / И.И. Блауберг // Бергсон А. Собрание сочинений: В 4-х т. — Т. 1. — М. : Московский клуб, 1992. — С. 6—44.
6. Делёз Ж. Логика смысла / Жиль Делёз ; пер. с фран. и предисл. Я.Я. Свирского, закл. статья М. Фуко ; научный редактор А.Б. Толстов. — М. : Раритет, Екатеринбург : Деловая книга, 1998. — 480 с.
7. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии: Марбургские лекции летнего семестра 1927 года, изданные Фридрихом-Вильгельмом фон Херманном / Мартин Хайдеггер ; пер. с нем. А.Г. Чернякова / под ред. Б.В. Останина. — СПб. : Высш. рел.-филос. школа, 2001. — 446 с.
8. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Жан Поль Сартр / пер. с франц., предисл. В.И. Колядко, примеч. В.И. Колядко, Р.К. Медведевой. — М. : Республика, 2004. — 639 с. — (Серия «Мыслители XX века»).
9. Ханжи В.Б. Антропное время как сложная система: сущностные характеристики / В.Б. Ханжи // Strategia supraviețuirii din perspective bioeticii, filosofiei și medicine. — 2014. — Vol. 4 (20). — Pp. 197—201.
10. Логика и методология системных исследований / А.И. Уёмов, А.Ю. Цофнас, З. Пауль [и др.]. — Киев-Одесса, Вища школа, 1977. — 256 с.
11. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем / А.И. Уёмов. — М. : Мысль, 1978. — 272 с.
12. Цофнас А.Ю. Теория систем и теория познания : монография / А.Ю. Цофнас. — Одесса : Астропринт, 1999. — 308 с.

13. Блауберг И.В. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин / отв. ред. А.Ф. Зотов. — М. : Наука, 1973. — 272 с.

14. Уёмов А.И. Лекции и задачи по метафизике : В 2 ч. / А.И. Уёмов, Л.Н. Терентьева. — Одесса : Астропринт, 2009. — 280 с.

Ханжи В.Б. Історико-філософські передумови ідеї антропного часу. Антропний час як система. — Стаття.

Анотація. В статті виявлені історико-філософські передумови ідеї антропного часу. Здійснено представлення антропного часу як системи. Автором показані перспективи розглядання антропного часу як складної системи, що самоорганізується.

Ключові слова: історико-філософські передумови, антропний час, система, складна система, що самоорганізується, антропологічна парадигма часу.

Khanzhy V.B. Historical and philosophical backgrounds of the idea of an anthropic time. The anthropic time as a system. — The Article.

Summary. The article reveals the historical and philosophical backgrounds of the idea of an anthropic time. A representation of the anthropic time as a system is implemented. The author shows the prospects of the consideration of the anthropic time as a complex self-organizing system.

Keywords: historical and philosophical backgrounds, anthropic time, system, complex self-organizing system, anthropological paradigm of time.